

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 10

**Санкт-Петербург
2011**

Ю.Б. Циркин

Майориан и Рицимер. Из истории Западной Римской империи

После убийства Валентиниана III 16 марта 455 г. фактически началась агония Западной Римской империи. Через два десятка лет эта часть Римской империи перестала существовать¹. Разумеется, в течение этих двух десятилетий западные императоры (иногда при поддержке восточных) пытались преодолеть вектор падения. Значительное место среди этих императоров занимает Майориан, считающийся самым способным из этих последних императоров Запада².

Майориан принадлежал к известной римской семье. Его дед по матери, тоже Майориан, прославился своими победами в Иллирике. В то время, когда Феодосий I принял в Сирмии титул августа, т.е. 19 января 379 г.³, Майориан старший являлся магистром обеих армий в Иллирике (Sid. Apoll. Carm. V, 107-115). О его предыдущей карьере ничего неизвестно, но можно думать, что он прошел довольно большой путь, прежде чем занять столь высокую должность. Позже он явно участвовал в войнах Феодосия на Дунае, хотя о деталях что-либо сказать невозможно⁴. Отец будущего императора служил при Аэции, по-видимому, занимая какую-то высокую должность в финансовой службе этого полководца⁵. По словам Сидония Аполлинария (Carm. V, 116-125),

---

¹ Ср.: Stroheker K.F. *Germanentum und Spätantike*. Zürich; Stuttgart, 1965. S. 88.

² Например: Grant M. *The Fall of the Roman Empire*. London, 1990. P. 21. Надо отметить, что среди ближайших потомков Майориан снискал добрую славу. Так, пишущий приблизительно через столетие Прокопий Кесарийский пишет, что Майориан своими достоинствами превосходил всех государей римлян, правивших на Западе (Bel. Vand. I, 7, 4).

³ Об этой дате: Lippold A. *Theodosius I* // RE, 1973. SpBd. XIII. Sp. 841.

⁴ PLRE I. P. 537.

⁵ PLRE II. P. 113-114.

отцу Майориана даже несколько раз предлагали фасции, т.е. пост консула, но тот отказывался. Если это сообщение достоверно, то оно означает, что неизвестный по имени отец Майориана входил в самый близкий круг соратников Аэция, и пост консула мог являться наградой ему за какие-то услуги своему покровителю.

Такое происхождение и такие связи явно облегчили самому Майориану начала его карьеры. Начал он ее, как и отец, при Аэции, но не в финансовой сфере, а в армии, в которой он быстро выдвинулся. Еще будучи сравнительно молодым человеком, Майориан отличился в защите Туронов, причем действовал он там совершенно самостоятельно, т. к. самого Аэция в этом районе тогда не было (Sid. Apoll. Carm. V, 209-211). Полагают, что речь шла об обороне этого города от армориканских багаудов⁶. Несколько позже (*post tempore parvo*) под командованием Аэция Майориан участвовал в разгроме франкского короля Клодиона около крепости Вик Элене, и в этой битве он был ранен (Sid. Apoll. Carm. V, 211-224).

Во время военной службы под знаменами Аэция Майориан познакомился и, может быть, даже подружился с двумя людьми, которые сыграют роль в будущей судьбе Западной Римской империи, – Эгидием и Рицимером. Эгидий был римлянином, происходившим из Галлии, и сражался вместе с Майорианом (FHG IV. Prisc. Fr. 30). В отличие от Эгидия и самого Майориана Флавий Рицимер был варваром, но смешанного происхождения. Его дедом с материнской стороны был вестготский король Валлия, а отцом – свев. Имя отца Рицимера точно не известно, но Сидоний Аполлинарий (Carm. II, 360-363) намекает на его королевское достоинство, говоря, что и Готское, и Севское королевства призывают Рицимера править⁷. Рицимер родился, скорее всего, около 418 г., и это предполагает, что его отцом был первый известный нам свевский король Гермерих⁸. Он принадлежал к тем кругам варварской аристократии, которые в результате политических перипетий в германских королевствах не имели никаких шансов занять видные места и поэтому связывали свое будущее исключительно с Империей⁹. Поэтому неудивительно, что Рицимер, несмотря на свое варварское происхождение, явно ощущал себя настоящим римлянином и верно служил Империи. Сидоний Аполлинарий (Carm. V, 266-268) говорит, что

⁶ Stikler T. Aëtius. München, 2002. S. 192.

⁷ Seeck O. Ricimer // RE. 1914. Hbd. 1A. Sp. 797; PLRE II. P. 942.

⁸ Gillet A. The Birth of Ricimer // Historia. 1995. Bd. 44,3. P. 383-384.

⁹ Ibid. P. 382-384.

Майориан с юности был связан с Рицимером «любовью»¹⁰. Даже если это – преувеличение, все же ясно, что эти два офицера Аэция были не просто знакомы, но и тесно связаны. А это, в свою очередь, говорит о том, что одно время модное в историографии противопоставление варварской и римской «партий» не имеет оснований, по крайней мере, в данном случае. Все трое входили в ближайшее военное окружение Аэция, составляя в числе других что-то вроде его штаба¹¹.

Однако через какое-то время после своих побед Майориан по приказу Аэция был вынужден оставить военную службу и вернуться в отцовское имение (*rure... patrio*), сменив военные труды на обработку полей (*Sidon. Apoll. Carm. V, 293-298*). Поскольку в этой связи Сидоний Аполлинарий ничего не говорит об отце, можно считать, что тот к тому времени уже умер. Сам Майориан в этот момент был еще сравнительно молод (*iuvenis*). Поэт называет отцовское имение Майориана *rus* (деревня), но это явно поэтический оборот, и делать какой-либо вывод о якобы незначительности имения нельзя. По словам панегириста, судьба специально сделала такой поворот, чтобы будущий император приобрел, кроме солдатского опыта, еще и гражданский.

О причинах внезапной немилости Майориана говорит тот же Сидоний Аполлинарий. По его словам, инициатива исходила от жены Аэция. Она узнала от звезд, что империя достанется именно Майориану, обладающему для этого всеми необходимыми доблестями, что ему будут воздавать почести все народы, и это затмит подвиги самого Аэция, что он уже сейчас прославился своими победами, что (и это, может быть, самое главное) будущая судьба Майориана заставит римлян забыть и ее, и ее сына Гауденция (*Sid. Apoll. Carm. V, 143-274*). Последнее обычно интерпретируется как стремление жены Аэция устранить в лице Майориана препятствие в ее matrimonialных планах: она и сам Аэций собирались женить Гауденция на младшей дочери Валентиниана III Платидии, дабы войти, как ранее Стилихон, в императорскую семью. У Валентиниана не было

¹⁰ Разумеется, речь не идет о плотской любви: упоминание об этом было бы совершенно невозможным в панегирике, а о тесной дружбе.

¹¹ *Stickler T. Aëtius. S. 67.* Рицимер впервые появляется в источниках только в 456 г., но уже тогда он был *magister militum*: *Demandt A. Magister militum // RE. 1970. Sp. Bd. 12. Sp. 673.* Это предполагает его предшествующую военную карьеру, а упомянутая дружба с Майорианом свидетельствует о прохождении этой карьеры под командованием Аэция.

сыновей, но только две дочери Евдокия и Плацидия, из которых первая была уже помолвлена с сыном вандальского короля Гейзериха Гуннерихом. Если бы такой план удался, то после смерти Валентиниана все шансы занять западный трон были бы у Гауденция¹². Однако против такой интерпретации опалы Майориана существуют и возражения. Указывается, что молодой офицер едва ли мог считаться серьезным препятствием планам Аэция, что в тексте Сидоний Аполлинария собственно о возможном браке Плации ничего не говорится и что надо учитывать жанр произведения – панегирик, в котором, естественно, все подается в чрезмерно преувеличенном виде с целью как можно больше прославить своего героя¹³. Эти доводы не бесспорны, но их, конечно, надо учитывать.

С другой стороны, надо помнить, что панегирик был произнесен Сидонием Аполлинарием перед самим императором. Хотя сам жанр похвальной речи предусматривает несомненные преувеличения, едва ли в присутствии главного героя автор осмелился бы выдумывать факты. Если обратиться к более позднему времени, то надо обратить внимание на два важных события. После убийства Аэция Валентиниан вернул Майориана на службу именно с целью успокоить придворную гвардию и, вероятно, личные войска Аэция (*bucellarii*), возмущенные убийством популярного полководца (*Sid. Apoll. Carm. V, 306-308*). И второе событие. После убийства самого Валентиниана неожиданно ставшая вдовой императрица Евдоксия попыталась посадить на трон именно Майориана (*FHG IV. Ioh. Ant. Fr. 201,6*)¹⁴. Оба эти факта ясно свидетельствуют, что Майориан (может быть, из-за своих побед) был довольно популярен в военной среде, по крайней мере, в части ее, а с другой стороны, был хорошо известен в придворных кругах. Императорский двор никогда не был спокойным местом, тем более при довольно без-

¹² О матримониальных планах Аэция и их возможных последствиях: Demandt A. *Die Spätantike*. München, 1989. S. 155 ; Stikler T. *Aëtius*. S. 75-76; Heather P. *La caduta dell'imperio romano*. Milano, 2008. P. 447.

¹³ Oost S.I. *Aëtius and Majorian* // *Classical Philology*. 1964. Vol. 59,1. P. 23; Rousseau Ph. *Sidonius and Majorian* // *Historia*. 2000. Bd. 49,2. P. 251; Stikler T. *Op. cit.* S. 76-78.

¹⁴ На это же намекает, хотя и не упоминает имя императрицы, и Сидоний Аполлинарий (*Carm. V, 312-314*), говоря, что уже тогда судьба была благоприятна нынешнему государю (Майориану), но отложила его приход к власти, дабы не связать его с общественным несчастьем, т.е. нападением на Рим вандалов.

вольном Валентиниане¹⁵. Хотя Аэций и имел безграничное влияние на императора, его фактическая власть не могла не вызвать сопротивления других придворных группировок. Поэтому совсем не исключено, что и сама Евдоксия была недовольна чрезмерным, с ее точки зрения, влиянием Аэция¹⁶. И сравнительно молодой (*iuvenis*) и в то же время довольно популярный в военных кругах Майориан мог стать той фигурой, которую императрица пыталась противопоставить всемогущему патрицию¹⁷. И Аэций принял меры¹⁸. Видимо, о поводе отставки Майориана мы никогда не узнаем, но сама его отставка явно была результатом каких-то придворных интриг и стремления Аэция защититься от потенциальной угрозы его положению. Позже, став уже императором, Майориан в своем первом же законе упоминал, что, будучи еще частным человеком, он осуждал доносчиков (Nov. 1). В этих словах можно видеть намек на обстоятельства, связанные с его отставкой.

Время этого события точно неизвестно, можно только уверенно говорить, что произошло оно до 451 г., т. к. в битве на Каталаунских полях Майориан не участвовал¹⁹. Все же, судя по некоторым косвенным данным, это произошло около 450 г. Приблизительно в это

¹⁵ Сидоний Аполлинарий (Carm. VII, 350) называет Валентиниана *semivir* (полумужем). Так обычно называли евнухов. Разумеется, Валентиниан евнухом быть не мог, так что в данном случае речь идет явно о его безволии. Конечно, надо иметь в виду, что такое определение покойного императора содержалось в панегирике Авиту и, следовательно, должно было служить еще одним оправданием захвата Авитом власти, а также, видимо, отражало отношение к Валентиниану именно галльской знати (Enßlin W. *Valentinianus III* // RE. 1948. Hbd. 14A. Sp. 2257). И все же факты правления Валентиниана показывают, что он постоянно находился под влиянием других людей: сначала матери Галлы Плацидии, потом Аэция, а в конце правления – евнуха Гераклия.

¹⁶ Евдоксия могла вдохновляться примером женщин константинопольского двора, которые фактически правили за спиной Аркадия (на последнем этапе его правления) и Феодосия II.

¹⁷ Clover F.M. *Geiseric and Attila* // Historia. 1973. Bd. 24,1. P. 108; idem. *The Family and Early Career of Anicius Olybrius* // Historia. 1978. Bd. 27,1. P. 180.

¹⁸ Oost S.I. *Aëtius...* P. 23-28. Сидоний приписывает жене Аэция настойчивый совет казнить Майориана, но Аэций ограничился его отставкой; ср.: Rousseau Ph. *Op. cit.* P. 255.

¹⁹ Enßlin W. *Maorianus* // RE. Bd. 27. 1928. Sp. 584. То, что отставка Майориана произошла до 451 г. считается общепризнанным: Oost S.I. *Aëtius...* P. 29.

время происходят изменения в политике Валентиниана в отношении вандалов, и тогда могла возникнуть идея брака молодого офицера с младшей дочерью императора, чтобы уменьшить влияние Аэция на имперскую политику²⁰. Эта цель не могла стать тайной для Аэция. Хотя сам Гауденций в это время был слишком молод (он родился около 440 г.), сам план его брака с дочерью императора уже вполне мог возникнуть, и попытка или самого Валентиниана, или Евдоксии помешать ему вызвала соответствующую реакцию.

Если это так, то Майориан провел в своей «деревне» четыре-пять лет. После убийства Аэция он был сразу же призван ко двору и возглавил придворные войска. «Галльская хроника» (а. 456) уточняет его ранг – *comes domesticorum*. Понятие *domesticus* было в это время довольно широким, обозначая лиц высокого ранга, входивших в ближайшее окружение либо самого императора, либо высших чиновников и полководцев²¹. Доместики являлись также личной стражей в императорском дворце²². Именно этих доместиков и возглавил Майориан, дабы сгладить негативные последствия убийства столь популярного в армии полководца, как Аэций. По-видимому, речь шла о привлечении на сторону императора личного войска Аэция, его буцелляриев²³. Однако выполнить эту задачу Майориан не смог. Командующий войсками в Далмации Марцеллин, являвшийся другом Аэция, был готов вторгнуться в Италию, чтобы отомстить за гибель Аэция, и лишь с помощью восточного императора Маркиана, который направил к Марцеллину своего специального посла Фи-

²⁰ Clover F.M. *The Family...* P. 180. В 450 г. умер Феодосий II, и Валентиниан, возможно, подстрекаемый Евдоксией, дочерью Феодосия, видимо, хотел объединить под своей властью всю Империю, но Аэций, как кажется, этому воспротивился. Это тоже могло подтолкнуть императора и в еще большей степени императрицу к поиску фигуры, могущей противостоять Аэцию.

²¹ Seeck O. *Domesticus* // RE. 1905. Hbd. 10. Sp. 1296-1299.

²² Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 113.

²³ Enßlin W. *Maorianus* Sp. 4584. *Deh. Valentianus* II 6 Sp. 2256; Oost S.I. *Aëtius...* P. 25. Казалось, что после убийства Аэция не было препятствий для реализации старого плана женитьбы Майориана на Плацидии. Однако император и его жена предпочли отдать ее руку знатному и богатому сенатору Олибрию, явно чтобы установить более тесные связи с влиятельным кланом Анициев, к которому Олибрий принадлежал: Clover F.M. *The Family...* P. 180-182. Фигура Майориана в качестве противовеса Аэцию была уже не нужна. Он получил другое задание: привлечь солдат Аэция.

ларха, удалось убедить того не начинать гражданскую войну (FHG IV. Prisc. Fr. 30). Знатный сенатор Петроний Максим использовал ненависть буцелляриев Аэция, чтобы организовать заговор против императора. И два бывших воина Аэция Оптила и Траустила (судя по именам, германцы) 16 марта 455 г. убили Валентиниана и преподнесли диадему Петронию Максиму²⁴.

Хотя убийцы Валентиниана преподнесли диадему Петронию Максиму, дело еще было далеко не решено. В самой армии возникли, по-видимому, разногласия, не сказал еще своего слова и сенат. Авторитет сената был в то время еще относительно высок, и в случае разногласий в войсках его слово могло стать решающим. Наряду с Петронием Максимом возникла кандидатура некоего Максимиана, сына египетского дельца Домнина, входившего в близкое окружение Аэция (FHG IV. Ioh. Ant. Fr. 201,6). Императрица же Евдоксия, как говорилось выше, выдвинула кандидатуру Майориана. В конечном итоге дело решили деньги Петрония Максима, который и был на следующий день признан императором. В скором времени новый император заставил Евдоксию выйти за него замуж, а своего сына Палладия, провозглашенного цезарем, он женил на ее старшей дочери Евдокии. Это было сделано неслучайно. Хотя сам Петроний Максим принадлежал к высшей римской сенаторской аристократии и ранее занимал ряд видных постов, будучи в том числе дважды консулом и префектом Города²⁵, для полной легализации своей власти и принятия его фигуры и общественным мнением, и восточным правительством ему было нужно войти в фамилию, ведущую свое происхождение от Феодосия I. То же самое сделал четыремя годами раньше Маркиан. Ставший после смерти Феодосия II императором фактически по воле влиятельного генерала варварского происхождения Аспара, он тотчас женился на сестре Феодосия Пульхерии, продолжив формально Феодосиевскую династию²⁶.

Если, как упоминалось выше, распространенная ранее теория о борьбе в позднеримском обществе римской и варварской «партий» едва ли действительна, то борьба военной и гражданской группировок и в Западной, и в Восточной империях была реальностью. Петроний Максим за всю свою карьеру ни разу не занимал никакого военного поста, так что его возвышение можно

²⁴ Stickler T. Aëtius. S. 81-82.

²⁵ PLRE II. P. 749-750.

²⁶ Bury J.B. History of The Later Roman Empire. NY, 1958. Vol. I. P. 235-236.

рассматривать как явную победу гражданской группировки. Однако это было и его слабостью, поскольку никакой опоры в войсках он не имел. Стремясь преодолеть это препятствие, он принял ряд мер. Он назначил магистром обеих армий (вероятно, *praesentalis*) соратника Аэция Эпархия Авита (*Sid. Apoll. Carm. VII, 377-378*)²⁷. Почти сразу Максим послал Авита в Толосу к вестготскому королю Теодориху II, дабы заручиться его поддержкой. Выбор Авита, как и поручение ему важной миссии при вестготском дворе, был неслучаен. Авит был видным представителем именно галльской знати, свою карьеру он проделал в Галлии и был дружески связан с вестготскими королями, в том числе с Теодорихом II²⁸. Новый император явно стремился получить поддержку и галльской аристократии, и вестготов. В самой Италии он не начал ставить во главе армии своих ставленников; вероятно, у него их и не было. Хотя Майориан и был его потенциальным соперником во время мартовского переворота, Петроний Максим оставил его в прежней должности. Однако все эти меры Максиму не помогли. То ли по призыву ненавидящей своего нового мужа Евдоксии, то ли видя рухнувшими свои планы из-за женитьбы Евдокии на Палладии вместо помолвленного с нею Гунериха, то ли просто использовав возникшую нестабильность, вандалский король Гейзерих высадился со своей армией в Италии, взял Рим и подверг его ужасающему разгрому. Петроний Максим и его сын были убиты, а Евдоксия со своими дочерьми увезена в Карфаген.

Это событие имело большое значение в истории Римской империи. Конечно, важно было вторичное взятие Города варварами. Но само по себе это взятие уже не произвело такого оглушительного впечатления, как первое. Гораздо большее впечатление произвел масштаб грабежей и разорений Рима, в результате чего во все языки мира вошел термин «вандализм»²⁹. Для политической истории Империи важнее было другое обстоятельство. Хотя со смертью Феодосия II на Востоке и убийством Валентиниана III на Западе династия, основанная Феодосием I, фактически прекратилась, формально она продолжала существовать в результате женитьбы

²⁷ PLRE II. P. 198. Сидоний Аполлинарий говорит, что Максим назначил Авита магистром пехоты и конницы для себя (*sibi*), и это говорит о том, что новый магистр был при императоре.

²⁸ Chastagnol A. *La fin du monde antique*. Paris, 1976. P. 33-34.

²⁹ Надо, однако, отметить, что этот термин – позднего происхождения. Он появился только в XVIII в. Но разгром Рима вандалами уже сразу же произвел большое впечатление.

Маркиана и Петрония Максима на Пульхерии и Евдоксии. Теперь же на Западе эта династия исчезла и формально. Как известно, официально императорская власть в Римской империи никогда не была наследственной. Однако по мере укрепления императорской власти династический принцип наследования все более укреплялся. После Диоклетиана он стал господствующим, хотя официально признан долгое время не был. Этому способствовало и римское представление о «фамильном счастье». Исходя из библейских представлений, христианство рассматривало переход власти по наследству как «естественное право». Династический принцип господствовал в армии, особенно в варварских контингентах, которых становилось все больше³⁰. Это не мешало относительной недолговечности правящих династий. В случае их исчезновения решающее слово принадлежало армии, точнее – ее верхушке, как это было после смерти Юлиана и Иовиана, а также после смерти Валентиниана I, хотя еще были живы два августа, принадлежавшие к правящей династии – Валент и Грациан. Императоры все же старались не допускать возникновения политического вакуума, во время которого решающее слово принадлежало генералам. Характерный пример – назначение Грацианом Феодосия, не принадлежавшего к его фамилии³¹. Даже вынужденный обратиться к фигуре чужого ему человека, император не допустил прямого вмешательства в эту проблему военных верхов. Такой политический вакуум все же создался в Западной империи (а спустя некоторое время и в Восточной) после гибели Петрония Максима.

Однако положение теперь было уже совсем другим, чем после смерти Юлиана и Иовиана. Империя была фактически расколота, хотя официально и оставалась единой, но управляемой двумя августами. На Западе после убийства Аэция армия была уже не столь могущественной, а главное – единой, чтобы навязывать свою волю государству. В этих условиях снова выросла роль сенаторской аристократии, которая, однако, тоже была расколота на две значительные группы – итальянскую, центром которой был Рим и римский сенат, и галльскую. Значительную роль играл и варварский фактор³². Петрония Максима можно считать представителем

³⁰ О принципах наследования императорской власти: Demandt A. Die Spätantike. S. 215-219.

³¹ В данном случае мы оставляем в стороне причины и назначения второго августа и избрание Грацианом кандидатуры именно Феодосия.

³² Heather P. The western empire, 425-476 // САН. 2008. Vol. XIV. P. 21.

италийской знати³³, а его привлечение на свою сторону Авита и попытка с помощью Авита договориться с вестготами – стремлением объединить все силы не только для укрепления своей власти, но и для противопоставления армии, особенно италийской. Гибель Максима стала поражением италийской фракции гражданской группировки в Западной Римской империи. С другой стороны, италийская армия ничего не сделала, чтобы предотвратить вандальский разгром Рима или, по крайней мере, отомстить вандалам за это. В такой ситуации дело взяли в свои руки вестготы и поддерживавшие их галльские аристократы. Вестготский король провозгласил императором Авита, и собравшая в Арелате галльская знать поддержала это провозглашение³⁴. Такой поворот, видимо, оказался неожиданным и для италийской армии, и для римского сената. Не встречая сопротивления, Авит явился в Рим и был признан сенатом.

Авит, как и Петроний Максим, оставил Майориана в его прежней должности, а Рицимера даже возвысил до ранга магистра воинов (*magister militum*)³⁵. В этом ранге он направился на Сицилию, где в битве у Агригента разгромил вандалов, а затем в морском сражении у берегов Корсики нанес поражение вандальскому флоту (*Sid. Apoll. Carm. II, 367; Hyd. a. 456; FHG IV. Prisc. Fr. 24*)³⁶. Победа Рицимера была воспринята общественным мнением как месть вандалам, и это сделало его довольно популярной фигурой. Теперь оба друга решили выступить против Авита. Положение последнего было трудным. Его союзники вестготы были заняты войной со свевами в Испании. В самой Италии поддержки у него практически не было. Несмотря на поражение, вандалы продолжали господствовать на море и перерезали снабжение Рима, который был поставлен на грань голода, что вызвало волнения в Городе. В результате в сражении у Плаценции 17 октября 456 г. он был разбит, свергнут и сделан епископом. Считается, что решающую роль в этих событиях сыграл Рицимер³⁷. Это вполне естественно,

³³ Полагают, что Петроний Максим принадлежал к знатному сенаторскому роду Анициев-Пробов: Clover F.M. *The Family...* P. 184.

³⁴ Это событие можно считать началом нового этапа во взаимоотношениях римлян и варваров. Последние теперь уже не удовлетворяются занятием земель на имперской территории, но и назначают своих ставленников во главе Империи.

³⁵ PLRE II. P. 943.

³⁶ Bury J.B. *History...* P. 327.

³⁷ Seeck O. *Avitus* // RE. 1896. Hbd. 4. Sp. 2397; idem. *Ricimer*. Sp. 797; Heather P. *The Western Empire...* P. 21.

ибо под его командованием находилась довольно значительная армия, гордая своей недавней победой над непобедимыми дотоле вандалами. Однако «Хроника» Мария Авентийского (а. 456) первым виновником свержения Авита называет Майориана. Можно предположить, что переход на сторону противников Авита дворцовой гвардии, возглавляемой Майорианом, поставил точку в карьере этого эфемерного императора.

Дальнейший ход событий не очень ясен. После свержения Авита в Империи остался один император – август Востока. Это был Маркиан, но уже в январе следующего года он умер, не оставив наследника. С ним, как об этом упоминалось, не только фактически, но и формально прекратила свое существование Феодосиевская династия. В большой степени по воле могущественного генерала Аспара пурпуром был облачен Лев I, унаследовавший и официальное положение единственного главы Римской империи³⁸. На Западе же царила явная неопределенность. Реальная власть, несомненно, находилась в руках Рицимера и Майориана, но они не спешили с назначением нового западного императора. Со своей стороны, восточный император – то ли еще Маркиан, то ли уже Лев – сделал Рицимера патрицием, а Майориана – магистром воинов³⁹. В известной степени перед нами положение, которое повторится через 20 лет, когда по требованию Одоакра римский сенат отошлет императорские инсигнии в Константинополь, а правителем Италии будет назначен сам Одоакр с тем же титулом патриция⁴⁰. Однако положение в 456-457 гг. было несколько иным. С одной стороны, ни Рицимер, ни Майориан, насколько нам известно, не предъявляли сенату подобные требования. А с другой, сам сенат не проявлял такую инициативу. Хотя Римская империя и считалась единой, разделение ее двух частей все углублялось. Представители Востока все больше считались

³⁸ Lee A.D. The eastern empire: Theodosius to Anasatsius // САН. 2008. P. 46.

³⁹ Хроника отмечает, что эти назначения были сделаны накануне мартовских календ, т.е. 28 февраля. А это означает, что их автором являлся уже Лев. Однако совсем не исключено, что Лев только утвердил решение, принятое еще Маркианом, может быть, сразу после свержения Авита. Поэтому в науке и существует некоторая неопределенность относительно автора этих назначений: PLRE II. P. 703, 943, хотя все же роль Льва кажется более предпочтительной: Demandt A. Die Spätantike. S. 172.

⁴⁰ Stroheker K.F. Germanentum... S. 92.

на Западе чужаками. Для гордой своим происхождением римской знати⁴¹ они были людьми второго сорта. Когда через некоторое время на западном троне окажется присланный Львом Антемий, его будут, как когда-то Катон, презрительно называть *graeculus* (греченок) и считать не римским, а греческим императором (Sid. Apoll. Ep. I, 7, 5). Такое неприятие восточного императора и его ставленника было тем более живым, что в сложившейся ситуации политической неопределенности и нерешительности военной верхушки роль сената выросла, и он, как ему казалось, мог сам определить фигуру будущего августа. Такой фигурой реально мог быть только Майориан.

Из событий, происшедших между осенью 456 и весной 457 г., известно одно. Когда в Италию в очередной раз вторглись аламаны, против них двинулась относительно небольшая сила под командованием Буркона, занимавшего, по-видимому, должность *comes rei militaris*, который одержал победу⁴². Если верить Сидонию Аполлинарию (Carm. V, 378-383), то послал Буркона именно Майориан. Конечно, это было сказано в панегирике в честь Майориана, но подчеркивание значения этой победы для Майориана позволяет говорить, что его упоминание не являлось чистой лестью. А это, в свою очередь, позволяет полагать, что высшая власть в Италии все же принадлежала не Рицимеру, а Майориану. В тоже время поэт ясно говорит, что сам Майориан в это время был еще магистром. Полагают, что после этой победы 1 апреля 457 г. армия и провозгласила Майориана императором⁴³. Вполне возможно, что непосредственным инициатором этого провозглашения являлся Рицимер.

Для легализации положения Майориана как императора необходимо было признание со стороны восточного императора Льва. Это признание становилось тем более необходимым, что положение Майориана как императора оставалось довольно хрупким. Сложное положение сложилось в Галлии. Там некий Пеоний, происходивший, вероятно, из муниципальной верхушки Арелата, объявил себя префектом претория, а трон предложил Марцеллину, который в это время фактически самостоятельно пра-

⁴¹ В конце предыдущего века Симмах называл сенаторов «лучшей частью человеческого рода» (Ep. 152) и «знатнейшим человеческим родом» (Or. VI, 1).

⁴² PLRE II. P. 242-243.

⁴³ Enßlin W. Maiorianus. Sp. 585.

вил Далмацией (Sid. Apoll. Ep. I, 11, 5-6),⁴⁴. Трудно сказать, какие мотивы двигали Пеонием и другими галлами, желавшими сделать императором именно Марцеллина. Возможно, это было сделано в пику италийской армии и римско-италийской сенаторской знати, свергнувших галльского императора, а, может быть, Галлия надеялась, что отдаленность императора даст возможность местной аристократии действовать фактически самостоятельно. Из этой затеи ничего не вышло, т. к. Марцеллин явно отказался. Но сама попытка требовала усиления позиций Майориана, а это во многом зависело от признания его восточным августом. А тот долгое время отказывался это сделать, считая Майориана таким же узурпатором, как и Авит. Переговоры, по-видимому, заняли довольно долгое время. Характерно, что в то время как в 458 г. Майориан развернул активную законодательную деятельность, в 457 г. он не издал ни одного закона. Видимо, он и сам считал себя не вполне законным правителем. В конце концов, как кажется, Лев согласился на компромисс. По словам Иордана (Get. 236), Майориан принял правление Западной империей по приказу (*iussu*) восточного императора⁴⁵. Конечно, выражение *iussu* не надо понимать буквально; речь идет о признании восточным императором Майориана в качестве правителя Запада, что, возможно, было оформлено особым актом. О воле восточного императора упоминают и Хроники. Сидоний Аполлинарий в панегирике Майориану (Carm. V, 388) называет восточного императора коллегой (*collega*). По-видимому, после этого Майориан 28 декабря вторично объявляется императором. Однако реальность была более сложной. По словам Хроники, Лев назначил Майориана не августом, а только цезарем (*Caesar est ordinatus*).

Этот жест восточного императора вполне понятен. Дело было не только в неприятии «грека» римским сенатом и западным обществом вообще. Положение в западной части Империи было довольно сложным. После разгрома Рима стало ясно, что вандальская угроза слишком огромна. В Галлии свержение Ави-та вызвало недовольство и вестготов, и галльской знати. В такой ситуации было ясно, что реально управлять всей Империей один константинопольский император не мог. Поэтому назначение со-

⁴⁴ Enßlin W. Marcellinus // RE. 1930. Hbd. 28. Sp. 1446-1447; idem. Paionios // RE. 1942. Hbd. 36. Sp. 2411-2412; PLRE II. P. 817; Heather P. The western empire. P. 23.

⁴⁵ Иордан в этом восточным императором называет Маркиана, но совершенно ясно, что этим императором являлся Лев (Enßlin W. Marcellinus. Sp. 585).

правителя оказывалось необходимостью. Но, с другой стороны, сохраняя только за собой титул августа, Лев давал понять, что, по крайней мере, формально восстанавливается полное единство государства. Трудно сказать, надеялся ли Лев на деле осуществлять контроль над Майорианом, как, например, Константин или Констанций II, но теоретически такая возможность сохранялась. Однако даже теоретическая, она была неприемлема ни для западной (фактически италийской) армии, которой фактически командовал Рицимер, ни для римского сената. Поэтому при вторичном провозглашении Майориан был объявлен августом. Этого Лев, однако, не признал. С его точки зрения, Майориан оставался лишь цезарем. Это не мешало подданным Майориана считать его подлинным августом. Так, префект претория Италии Базилий датировал свою надпись августиами Львом и Майорианом.

Обстоятельства провозглашение Майориана августом не совсем ясны. Сидоний Аполлинарий (Сарм. V, 386-388) говорит, что ему дали правление все сословия – плебс, курия (т.е. сенат), воины, восточный коллега. Сам Майориан в самом первом законе, обращенном к сенату (Nov. 1), заявляет, что он стал императором в результате выбора сенаторов и решения храбрейшего войска, и *partes conscripti* названы первыми. Сидоний Аполлинарий тоже называет курию ранее воинов. Означает ли это, что инициатива признания Майориана принадлежит сенату, а войско лишь последовало за ним?⁴⁶ В той ситуации, которая сложилась в это время в Италии, это в принципе не исключено. Сенат, как уже говорилось, по меньшей мере, с недоверием относившийся к восточному императору, вполне мог в пику тому избрать Майориана именно августом, а не цезарем, чтобы сделать своего императора равноправным с восточным. Армия же могла вполне довольствоваться титулом цезаря, а командовавший ею Рицимер – своим фактическим положением, которое в принципе не менялось от титула западного императора. Однако утверждать это, конечно же, невозможно. Во всяком случае, Майориан, несомненно, был официально избран сенатом (*vestrae electionis*), и это – одно из немногих избраний императора сенатом в эпоху домината.

Приобретение Майорианом вопреки воле Льва титула августа вызвало определенное напряжение в отношениях между двумя частями Империи. Поскольку Империя официально оставалась

⁴⁶ О такой возможности говорит в биографии Майориана В. Энсслин: Enßlin W. *Maorianus*. Sp. 585.

единым государством, хотя и управляемым двумя императорами, законы издавались от имени их обоих. Однако первый закон Майориана, изданный 11 января 458 г., был дан лишь от его имени. И только в третьем законе Майориана от 8 мая 458 г. называются оба августа, причем Лев, ранее вступивший на престол и потому считавшийся старшим августом, назван, как и было положено, первым. Как уже давно было установлено, новые императоры становились консулами следующего года. Соответственно, консулами 458 г. оказывались Лев и Майориан. Но в первые месяцы года Майориан не считается консулом на Востоке, а Лев – на Западе⁴⁷. Несколько позже Майориан, как только что было сказано, стал вставлять имя Льва в свои акты, и это было ясным призывом к примирению с восточным августом. Однако тот на примирение не пошел и так и не признал Майориана равноправным коллегой.

11 января 458 г. Майориан издал свой первый эдикт. Он был обращен сенату и явился по существу программой нового августа⁴⁸. В самом начале Майориан заявлял, что он стал императором по сенатскому выбору и решению армии, и это уже само по себе было реверансом по отношению к курии. Майориан утверждал, что он власть он принял не по своему желанию, но подчиняясь общественному решению. Подобные утверждения давно стали «хорошим тоном» при всякой узурпации: каждый новый претендент заявлял, что он принял пурпур только под давлением, опасаясь за собственную жизнь. Однако до сих пор речь шла о требованиях солдат, теперь же говорилось об общественном решении, и это стало совершенно новым явлением. Майориан утверждал себя как лидера всего общества. В этом русле находится и его заявление, что власть он принял для того, чтобы не жить только для себя и не быть неблагодарным по отношению к государству, в котором рожден. Это – явная отсылка к традиционным римским ценностям. Майориан призывает сенат разделить с ним государственные дела и обязуется оградить сенаторов от доносов и клеветы. Создается впечатление возвращения чуть ли не к временам Антонинов. Насколько искренне был Майориан, заявляя все это, сказать невозможно, но стремление установить хорошие отношения с итало-римской сенаторской знатью несомненно. Значение сената в это время выросло. Еще Аэций сумел установить хоро-

⁴⁷ Lietzmann. Leo // RE. 1925. Hbd. 24. Sp. 1950-1951; Enßlin W. Maiorianus. Sp. 585-586.

⁴⁸ Chastagnol A. La fin du monde antique. Paris, 1976. P. 125-126.

шие отношения с этим органом, и тот активно поддержал его в борьбе с его соперниками⁴⁹. Майориан пошел по тому же пути. Этим стремлением явно объясняется и назначение префектом претория Италии Басилия, принадлежавшего к знатному и имеющему большое влияние в сенате клану Дециев-Цейониев⁵⁰.

В этом же эдикте упоминается Рицимер, названный «нашим родственником и патрицием» (*parente patricioque nostro*). Патрицием Рицимера, как уже говорилось, сделал или Маркиан, или Лев. А как родственник он появляется впервые, и происходит это в официальном документе. В свое время *parentes* императора назывались Стилихон (ILS 795) и Констанций (ILS 801), но они оба были действительно родственниками Гонория – его тестем и зятем. О родственных связях Рицимера и Майориана ничего не известно, и, по-видимому, их и не было. Поэтому более вероятным прецедентом является положение Аэция. Валентиниан не раз, и тоже в официальных документах, называл Аэция *parens patriciusque noster* (Nov. Valent. 17; 33), т.е. точно так же, как Майориан – Рицимера, хотя действительным родственником императора Аэций не был (а лишь планировал). Такое наименование должно было подчеркнуть особые отношения между императором и патрицием⁵¹. Видимо, то же самое подразумевалось под наименованием родственником Рицимера: подчеркивалось его особое положение в государстве и его роль в осуществлении императорской власти. Рицимер упоминается в связи именно с военными делами (*rei militaris... cura*). Создается впечатление, что между императором и патрицием произошло своеобразное разделение полномочий: Рицимер занимается военными проблемами, а Майориан – внутренней политикой. Возникновение такого властного тандема подчеркивается фактом, что следующим за Майорианом консулом Запада становится Рицимер.

Действительно, в 458 г. Майориан активно занимался законотворчеством. Известно о 12 актах, в качестве новелл Майориана включенных в Кодекс Феодосия; правда, последние три известны только по их названиям. Эти акты охватывали широкий круг вопросов. Продемонстрировав свое желание установить чуть ли не партнерские отношения с сенатом, Майориан стремится восстановить

⁴⁹ Grünewald T. Der letzte Kampf des Heidentums in Rom? // *Historia*. 1992. Bd. 41,4. S. 484-487.

⁵⁰ PLRE II. P. 700-701. О поли этого клана: Seeck O. Ceionius // *RE*. 1899. Hbd. 6. Sp. 1858-1866; Demougeot E. L'évolution politique de Galla Placidia // *Gerion*. 1985. T. 3. P. 202; Stickler T. Aëtius. S. 278-279.

⁵¹ Stickler T. Aëtius. S. 69.

положение куриалов, которых он называет нервами государства и сердцем городов (Nov. 7). С этой целью он восстанавливает старые установления, запрещающие переход в другие сословия, продажу куриалами имущества без согласия курии, телесные наказания куриалов, наказания корпорации за проступки отдельных лиц, вымогательство чиновниками и наместниками подарков и услуг. Этим же законом был введен новый порядок городских налогов и ограничены угощения наместников за счет города. Майориан также установил, чтобы дочери куриалов в случае выхода замуж за куриала другого города в своем городе оставляли только одну четверть своего имущества, а остальное могли взять с собой, поскольку в новом городе они, несомненно, родят тоже куриалов. Майориан стремился вообще предотвратить упадок городов, особенно уменьшение численности их населения, вызванное, по его мнению, действиями некоторых потерявших стыд лиц, вынуждавших многих горожан покидать города. С целью предотвращения этого явления он преобразовал должность *defensor civitatis*, которого должны были назначать провинциальные наместники и утверждать сам император (Nov. 3). До сих пор такого «защитника» выбирали местные клирики, верхушка городов (*honorati*), крупные землевладельцы и куриалы, а утверждал префект претория, и при этом ведущую роль реально играл епископ⁵². Этим законом Майориан стремился, с одной стороны, освободить «защитника» от влияния местных властей, а с другой, поднимать эту должность на более высокий уровень и придать ей больший авторитет. Другим, несколько более ранним, законом (Nov. 2) Майориан упорядочивал систему налогов, устанавливал выплату налогов тремя частями, резко осуждал превышение власти в налоговой сфере наместникам и высшими чиновниками вообще. С другой стороны, должны были сурово наказываться владельцы и управляющие крупными имениями, уклоняющиеся от выполнения своих обязательств перед государством. Одновременно прощались недоимки, имевшиеся до сентября 457 г., исключая недоимки свиноторговцев, поскольку в таком случае было бы нарушено снабжение городов и в первую очередь Рима. Это исключение очень характерно: император демонстрировал этим свою заботу о горожанах, особенно жителях Рима. Прошло всего два года после страшного вандальского разгрома, и город начал постепенно восстанавливаться. При этом, однако, часто для

⁵² Seeck O. *Defensor civitatis* // RE. 1901. Hbd. 8. Sp. 2368; Capogrossi Colognesi L. *Storia di Roma tra diritto e potere*. Bologna, 2009. P. 435.

восстановления частных жилищ использовались камни и фрагменты общественных зданий. Специальной конституцией, направленной 11 июля 458 г. префекту Рима Эмилиану, Майориан запрещал такую практику и грозил строгими наказаниями за нее, а в случае необходимости разрушения какого-либо общественного здания только сенат мог это разрешить. Зато эта конституция требовала украшения общественных зданий, которые и составляют величие Города (Nov. 4).

Подчеркивание необходимости сохранения величия Рима было неслучайным. Майориан позиционировал себя как восстановителя древних римских ценностей и старинных добродетелей. Явно подражая Августу, с учетом уже, разумеется, совершенно иного времени, Майориан, которого, как и первого принцепса, заботит уменьшение количества граждан, занимается семейными проблемами⁵³. Он издает особый закон о прелюбодеянии (Nov. 9), а также требует, чтобы вдовы в возрасте до 40 лет обязательно выходили замуж в течение пяти лет после смерти супруга, и с этим связан запрет пострижения в монахини девушек и бездетных вдов до сорокалетнего возраста. Более же старшие вдовы при своем уходе в монастырь должны были половину имущества оставлять родственникам или при их отсутствии фиску (Nov. 6). Этим законом Майориан практически вмешивается в церковную сферу. Эту сферу он не обходил и непосредственно. Одним из его законов (Nov. 11) запрещалось делать людей клириками без их добровольного согласия, но зато подчеркивалась юрисдикция папы над остальными епископами.

При всем разнообразии законов Майориана в них прослеживается определенная тенденция. Его целью было сохранение (а фактически восстановление) *Romani orbis status*, как он определил это сам в своем первом законе. Повышение роли сената, укрепление городов и их курий, реорганизация налоговой системы, восстановление блеска Вечного города – все это должно было привести к возрождению «доброго старого времени». В этом плане Майориан походил на Юлиана. Но в отличие от Юлиана, считавшего восстановление язычества непременным условием возрождения государства, Майориан был христианином. Однако и в этом плане политик в нем брал верх над верующим. С одной стороны, подчеркиванием исключительной юрисдикции папы в

⁵³ Evans-Grubbs J. *Virgin and Widows, Show-Girls and Whores // Law, Society, and Authority in Late Antiquity*. Oxford, 2001. P. 232-234.

отношении епископов, утверждалась фактическая независимость Церкви от государства. Однако с другой, новым порядком назначения *defensor civitatis* реально ограничивалась власть епископа в городе. Забота о наполнении казны и о сохранении материальной основы городского самоуправления входила в противоречие с интересами церковной организации и особенно монастырей.

Законодательство было важным, но не единственным аспектом возрождения *Romani orbis status*. Другим и не менее важным аспектом являлось восстановление реальной власти римского императора на всей территории Западной империи. Прежде всего, это касалось Галлии.

Положение в Галлии было очень сложным. Хотя попытка поставить на трон своего императора после свержения Авита не удалась из-за отказа Марцеллина, и галльская знать, и галльская армия отказались признать Майориана. Такой нестабильностью воспользовались варвары. Салические и рипуарские франки, а также аламаны начали расширять свои владения в Северо-Восточной и Восточной Галлии. На юго-западе перешли в наступление бургунды, которые захватили провинцию I Лугдунскую (*Mar Avent. a.* 456), причем сам Лугдун открыл им свои ворота. Вестготский король Теодорих разорвал договор, заключенный им с Авитом, и двинулся на завоевание римских провинций, осадив столицу префектуры Арелат⁵⁴. Майориану пришлось завоевывать Галлию. Для начала он направил труда свой авангард, поручив командование Петру. Петр не был полководцем, но являлся умелым дипломатом и царедворцем. В этот момент он занимал чисто гражданскую должность магистра *epistularum* (*Sid. Apoll. Ep. IX, 13, 4*). Видим, именно на дипломатические способности Петра император и рассчитывал. И он не ошибся. Петр сумел договориться с бургундами, которые не только вернули Лугдун, но и дали Петру заложников (*Sid. Apoll. Carm. V, 566-574*). Этот успех позволил Майориану уже самому во главе армии двинуться в Галлию. Еще до этого под предлогом войны с вандалами он стал набирать новую армию (*Proc. Bel. Vand. I, 7, 11*), вербуя в нее варваров, принадлежавших к различным народам, в том числе гуннам. Теперь эту армию он двинул в Галлию. Правда, сначала ему пришлось подавить мятеж какой-то части гуннов во главе с Тульдилой (*Sid. Apoll. Carm. V, 484-488*)⁵⁵. Лишь пос-

⁵⁴ Chastagnol A. *La fin...* P. 33-34.

⁵⁵ Maenchen-Helfen O. *The World of The Huns*. Berkeley; London, 1973. P. 161-162.

ле этого Майориан начал поход в Галлию, добившись там полного успеха. С вестготами и бургундами были заключены мирные договоры. Теодорих снова признал себя федератом (FHG IV. Prisc. Fr. 27)⁵⁶, а бургунды официально отказались от уже покинутого ими Лугдуна, но сохранили за собой большую часть провинции (Hud. a. 459). Принял Майориан и важные организационные меры. Он сначала подтвердил Пеония в должности префекта претория Галлии, но затем все же заменил его Магном. Назначение Магна было неслучайным. Магн родился в Нарбоне и, следовательно, принадлежал к местной знати⁵⁷. Назначением Магна Майориан явно шел на компромисс с галльской аристократией, и та этот шаг императора оценила, признав, наконец, Майориана.

Еще большее значение для Майориана имела замена военного командования в Галлии. Занимавший пост магистра обеих армий для Галлии Агриппин был заменен Эгидием, который тоже происходил из Галлии и знал обстановку в стране. В свое время Эгидий воевал вместе с Майорианом (FHG IV. Prisc. Fr. 30) и пользовался его полным доверием. Характерно, что, заменяя Пеония Магном, Майориан оставил его в своем окружении (Sid. Apoll. Ep. I, 11, 10). Иначе было с Агриппином. Тот был отправлен в Рим, где был обвинен в предательском плане передать римские провинции варварам и осужден, но сумел бежать из тюрьмы (Vita Lupic. 11). Существовал ли действительно такой план, сказать нельзя. Но это было и неважно. Эгидий в качестве нового командующего в Северной Галлии особых успехов в борьбе с варварами не имел, но это не имело для Майориана существенного значения. Гораздо важнее для него было то, что относительно значительная заальпийская армия находится под командованием верного ему полководца.

Майориан стал первым после долгого перерыва императором, который лично возглавил армию. Со времени Феодосия I императоры сами не командовали войсками⁵⁸. Майориан нарушил уже сложившуюся традицию. Возможно, для него это было еще одним шагом в реставрации «старого времени». Не менее (а, может быть, и более) возможно, что отправление Майориана в поход стало результатом его договоренности с Рицимером. После

⁵⁶ Schwarz A. Senatorische Heeresführer im Westgotenreich in 5. Jh. // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siècle. Paris, 1995. P. 50.

⁵⁷ PLRE II. P. 200-201.

⁵⁸ Demandt A. Die Spätantike. S. 214.

ухода императора тот оставался практически полным хозяином Италии. Свой одиннадцатый закон, изданный 28 марта 460 г., т.е. уже после оставления Равенны, Майориан направил именно Рицимеру. Агриппин был осужден императором, патрицием (т.е. Рицимером) и сенатом. Снова Рицимер действует не в военной, а в гражданской сфере. Если для начала правления Майориана можно говорить о разделении между ним и Рицимером гражданских и военных полномочий соответственно, то теперь разделение становится территориальным: император действует за Альпами, а патриций в Италии. Это предположение подтверждается и тем, что экспедицию против вандалов Майориан подготавливает в Испании, хотя более логичным было бы отправление армии из Италии, откуда путь до вандальской столицы Карфагена был более коротким и естественным.

Вандалы в тот момент являлись самыми грозными врагами Империи в Средиземноморье. Хотя недавно, как говорилось выше, Рицимер сумел разбить их на Сицилии и у берегов Корсики, а и сам Майориан отбил их новый набег на Италию (Sid. Apoll. Carm. V, 419-424), вандальская угроза оставалась чрезвычайно серьезной, а воспоминание о недавнем разрушении и грабеже Рима все еще ранило римлян. Имелась и более серьезная причина стремиться сокрушить вандалов. В это время именно Африка являлась основной продовольственной базой Италии и Рима. Вандалы же имели возможность в любой момент перерезать снабжение и поставить Италию и Рим на грань голода. Так что начать войну с вандалами Майориану было необходимо.

Перейдя из Галлии в Испанию⁵⁹, Майориан начал готовить экспедицию в Африку. Положение в Испании тоже было непростым, ибо часть страны была захвачена свемами, а остальная часть терпела постоянные свевские набеги. Однако к тому времени силы свегов были основательно подорваны вестготами, действовавшими сначала от имени Авита, а затем уже под собственными знаменами. На всякий случай Майориан направил к свемам своего полководца Непоциана, и его действия обеспечили испанский тыл готовящейся экспедиции. Одновременно он договорился с Марцелиином, и тот, оставив Далмацию, со своим войском со-

---

⁵⁹ «Цезаравгустанская хроника» (а. 460) отмечает пребывание Майориана в этом городе. Цезаравгуста находилась на пути из Галлии. Отсюда естественен вывод, что Майориан прибыл в Испанию именно из Галлии: Arce J. *Bárbaros y romanos en Hispania*. Madrid, 2005. P. 207-208.

средоточился на Сицилии, чтобы оттуда нанести, может быть, одновременно с Майорианом удар по Африке (FHG IV. Prisc. Fr. 29)⁶⁰. Сам Майориан на юго-восточном побережье Испании стал подготавливать новый флот, чтобы переправиться в Африку. Он даже, кажется, совершил какую-то высадку на африканском побережье, разорив часть Мавретании (FHG IV. Prisc. Fr. 27). Гейзерих правильно оценил степень опасности и попытался договориться с Майорианом о заключении соглашения, но император решительно отказался. Неудачной оказалась и попытка вандальского короля оказать давление на римлян путем очередного набега на Италию и Сицилию (FHG IV. Prisc. Fr. 27, 29). Однако вскоре произошло неожиданное событие: с помощью предательства вандалы напали на флот Майориана и уничтожили все стоявшие там его корабли (Hyd. 200). После этого ни о каком вторжении в Африку говорить было уже нельзя, и Майориан был вынужден вернуться в Галлию.

Майориан на некоторое время задержался в Галлии. В 461 г. в Арелате он отпраздновал пятилетие своей власти и устроил пир с участием всех более или менее видных лиц, включая нынешнего и предыдущего консула (Sid. Apoll. Ep. I, 11, 10-16). Отпустив еще до этого своих готских союзников и часть набранных для вандальской кампании войск (FHG IV. Ioh. Ant. Fr. 203), Майориан с остальной, видимо, очень небольшой армией, вернулся в Италию. Там его ждал весьма неприятный сюрприз. Рицимер обвинил Майориана в предательстве римского дела, и посланные им офицеры 2 августа 461 г. сорвали с Майориана диадему и пурпурный плащ, а через пять дней он был убит. Рицимер, правда, пустил слух о естественной смерти Майориана от болезни, но это никого не обмануло (Hyd. a. 461; Mar. Avent a. 461; FHG IV Ioh. Ant. Fr. 202; Proc. Bel. Vand. I, 7, 15; Mal. XIV, 375, 9). Майориан явно не ожидал такого исхода: в противном случае он не распустил бы большую часть своей армии.

Чтобы понять суть этих событий, надо вернуться несколько назад и, прежде всего, к эпизоду с предательством. В чем состояло это предательство, и кто стоял за ним, не сообщается. Однако общая ситуация позволяет сделать довольно вероятное предположение. Хотя, как говорилось выше, Майориан и Рицимер, по-видимому, разделили власть по территориальному принципу, так что последний остался фактическим правителем Италии, положение

⁶⁰ Enßlin W. Marcellinus. Sp. 1447.

его по мере успехов Майориана становилось все более сложным. Характерна судьба людей, назначенных Майорианом на высшие должности после его свержения и гибели. Очень скоро Непоциан появляется вместе с готом Сунерихом во главе готского войска в Испании (Hud. 201). Это означает, что он перешел на службу к вестготскому королю. Магн исчез с исторической сцены. Он явно перестал быть префектом претория Галлии. Несколько позже на этой должности появляется Арванд, но сменил ли Арванд Магна, или между ними был еще не известный нам префект, мы не знаем. Эгидий, командовавший галльской армией, отказался признать назначенного Рицимером Либию Севера в качестве императора и создал свое фактически независимое государство в Северной Галлии. То же самое сделал Марцеллин. Майориан с ним договорился, и он со своей армией занял Сицилию. Рицимер подкупил гуннов, составлявших большую часть войска Марцеллина, и тот, потеряв его, был вынужден покинуть остров и вернуться в Далмацию, как и Эгидий, отказавшись подчиняться Рицимеру и его марионетке Либию Северу (FHG IV. Prisc. Fr. 29-30). Таким образом, все назначенцы Майориана либо покинули римскую службу, либо выступили против Рицимера. Это ясно говорит о том, что верных сторонников Майориана Рицимер рассматривал как враждебную себе группу. Зато бежавший из тюрьмы Агриппин вернул себе милость и был назначен снова командовать войсками в Галлии вместо Эгидия (Hud. 217). Реально он заменить Эгидия не смог, но во главе войск в Южной Галлии все же встал. Да и само бегство Агриппина выглядит довольно подозрительно. Совсем не исключено, что Рицимер, официально тоже осудивший обвиненного в предательстве Агриппина, в действительности организовал его бегство, чтобы иметь в своем распоряжении человека, способного, как он считал, противостоять Майориану и его соратникам. Вероятнее всего, к этому времени относятся монеты с изображением Рицимера и упоминанием его морской победы⁶¹. Все это свидетельствует о занятии Рицимером антимайорианов-

⁶¹ Demandt A. *Magister militum. Sp. 674-675. Возможно, что эти монеты относятся и к более позднему времени (ibid.), но упоминание морской победы, а речь явно идет о победе над вандалами в правление Авита, как кажется, должно все же относиться ко времени, сравнительно близкому к этой победе. К тому же, эта победа могла противопоставляться неудаче Майориана. Поэтому представляется более вероятным, что монеты Рицимера были выпущены в момент противостояния с Майорианом или сразу же после этого.*

ской позиции. Эта позиция укреплялась по мере успехов Майориана.

Дело было, видимо, не столько в ревности к этим успехам и боязни, что они затмят его сравнительно недавние победы, о которых он напомнил в своей монете, сколько в реальном опасении за свою власть и даже судьбу. Судя по последующей реакции Рицимера, Майориан делал свои назначения без всякого с ним совета. Он явно опирался на людей, лично ему преданных или союзных с ним (как Марцеллин). Рассчитывал ли он на них для противостояния с Рицимером, сказать невозможно. Но сам Рицимер вполне мог предвидеть такой поворот дел. Победа над вандалами, в которой никто почти не сомневался, отдала бы в руки Майориана еще и Африку, владея которой он мог бы диктовать свою волю Италии. В самой Италии и в Риме законы Майориана создали ему, видимо, популярность⁶². Рицимер, конечно, какое-то время мог оставаться вторым человеком в государстве. Однако согласен ли он был на реально, а не официально, вторую роль, да и долго ли он эту позицию занимал бы? Было совсем неясно, как себя в случае победы над вандалами повел бы император. Воспоминание о судьбе Аэция были еще свежими. В этих условиях Рицимер вполне мог принять свои меры, чтобы не только обезопасить себя, но и получить в свои руки действительную власть над всей западной частью Империи. Поэтому не только подкуп армии Марцеллина, но и предательство самого Майориана могло быть делом рук Рицимера.

Властный тандем, захвативший власть в Западной Римской империи после свержения Авита, рухнул. Противоречия внутри него оказались слишком серьезными. Ни прежняя дружба, ни какие-либо возможные договоренности (о которых мы, впрочем, ничего совершенно достоверного не знаем) не выдержали политической реальности. Майориан ни в коем случае не был марионеткой Рицимера⁶³. Их союз был альянсом двух самостоятельных личностей. В таком тандеме усиление одного неминуемо вело к ослаблению другого. Рицимер это прекрасно понял. Последующие императоры, действительно, являлись игрушками в руках

---

⁶² Bury J.B. History... P. 332.

⁶³ Heather P. The western Empire. P. 23. Мнение, что после свержения Авита реальная власть находилась в руках одного Рицимера, до сих пор еще встречается в литературе; напр., O'Donnell J. The Ruin of the Roman Empire. London, 2008. P. 99.

всемогущего патриция. Когда же император Антемий, назначенный Львом и поэтому ощущавший себя более независимым по отношению к Рицимеру, попытался вести самостоятельную политику, Рицимер без колебаний открыто выступил против него, сверг и убил. После свержения Майориана ни о каком тандеме более не было речи.

Список использованной литературы

- Бартошек М. Римское право. М., 1989.
- Bury J.B. History of The Later Roman Empire. Vol. I-II. NY, 1958.
- Capogrossi Colognesi L. Storia di Roma tra diritto e potere. Bologna, 2009.
- Chastagnol A. La fin du monde antique. Paris, 1976.
- Clover F.M. Geiseric and Attila // *Historia*. 1973. Bd. 24. P. 104-117.
- Clover F.M. The Family and Early Career of Anicius Olybrius // *Historia*. 1978. Bd. 27. P. 169-196.
- Demandt A. Die Spätantike. München, 1989.
- Demandt A. Magister militum // *RE*. 1970. SpTBd. 12. Sp. 553-790.
- Demougeot E. L'évolution politique de Galla Placidia // *Gerion*. 1985. T. 3. P. 183-210.
- Enßlin W. Maiorianus // *RE*. Hbd. 27. 1928. Sp. 584-590.
- Enßlin W. Marcellinus // *RE*. Hbd. 28. 1930. Sp. 1446-1448.
- Enßlin W. Paionios // *RE*. Hbd. 36. 1942. Sp. 2411-2412.
- Enßlin W. Valentinianus III // *RE*. 1948. Hbd. 14A. Sp. 2232-2259.
- Evans-Grubbs J. Virgin and Widows, Show-Girls and Whores // *Law, Society, and Authority in Late Antiquity*. Oxford, 2001. P. 220-241.
- Gillet A. The Birth of Ricimer // *Historia*. 1995. Bd. 44. P. 380-384.
- Grant M. The Fall of the Roman Empire. London, 1990.
- Grünwald T. Der letzte Kampf des Heidentums in Rom? // *Historia*. 1992. Bd. 41. S. 462-487.
- Heather P. La caduta dell'imperio romano. Milano, 2008.
- Lee A.D. The eastern empire: Theodosius to Anasatsius // *CAH*. Vol. 14. Cambridge, 2008. P. 33-62.
- Lietzmann. Leo // *RE*. Hbd. 24. 1925. Sp. 1947-1961.
- Lippold A. Theodosius I // *RE*. Supp. Bd. XIII. 1973. Sp. 837-961.
- Maenchen-Helfen O. The World of The Huns. Berkeley; London, 1973.
- O'Donnell J. The Ruin of the Roman Empire. London, 2008.
- Oost S.I. Aëtius and Majorian // *Classical Philology*. 1964. Vol. 59. P. 23-29.

The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I-III. Cambridge, 1971-1992.

Rousseau Ph. Sidonius and Majorian // *Historia*. 2000. Bd. 49. S. 251-257.

Schwarz A. Senatorische Heeresführer im Westgotenreich in 5. Jh. // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siècle*. Paris, 1995. S. 49-54.

Seeck O. Avitus // *RE. Hbd.* 4. 1896. Sp. 2395-2397.

Seeck O. Ceionius // *RE. Hbd.* 6. 1899. Sp. 1858-1866.

Seeck O. Defensor civitatis // *RE. Hbd.* 8. 1901. Sp. 2365-2371.

Seeck O. Domesticus // *RE. Hbd.* 10. 1905. Sp. 1296-1299.

Seeck O. Ricimer // *RE. Hbd.* 1A. 1914. Sp. 797-799.

Stikler T. Aëtius. München, 2002.

Stroheker K.F. Germanentum und Spätantike. Zürich, Stuttgart, 1965.

